

соответствовала его представлениям о морали аристократического слоя, представителем которого он являлся⁵⁰. Следовательно, в случае критического использования текста источника такого рода изменения нельзя всегда оценивать как стилистический прием, а необходимо установить, не имеем ли мы в данном случае расхождений во взглядах двух авторов — более древнего и нового. Византийские историки выбирали из множества фактов те, что соответствовали их интересам, мировоззрению и представлениям того социального слоя, к которому они принадлежали. Умалчивание фактов вполне определенно допускалось некоторыми авторами: об этом говорят как Пселл, так и Пахимер⁵¹. Этим методом пользовался Иоанн Кантакузин.

Заслугой в первую очередь советских историков является критический подход к памятникам византийской историографии на основе анализа мировоззрения отдельных авторов начиная с IV в. и вплоть до падения Константинополя⁵².

5. КОМПОЗИЦИЯ

Авторы произведений византийской историографии наряду с собственно историческими задачами ставили перед собой также и художественные цели как этого требовали еще некоторые теоретики и историки литературы античного периода⁵³. Хотя эти авторы совершенно определенно отмежевываются от беллетристических и поэтических жанров, они все же хотят не только поучать, но и развлекать своих читателей. Историография приближается к поэзии у Агафия⁵⁴, к новеллистике у Феофилакта⁵⁵, который подчеркивал, что историческое повествование должно также радовать читателей — человек любит рассказы о необычных приключениях (τὸ παράδοξον). Евстафий подчеркивает, что он, лично переживший трагическое событие, не может свой рассказ о взятии Фессалоники представить в такой художественной форме, в какой это может сделать беспристрастный историк, и в качестве элементов этой художественной формы он упоминает стиль, эфразу и парадокс⁵⁶. Никифор Григора сам испытывает удовольствие от работы над своим историческим произведением из-за разнообразия (τὸ πολυειδές, τὸ ποικίλον) изображаемых событий⁵⁷. Прокопий назвал 8-ю книгу своей «Истории» ἱστορία ποικίλη⁵⁸, Михаил Атталиат отзывается о своем произведении как о βιβλίος ποικίλη⁵⁹.

То, что византийцы так увлекались необычными происшествиями (парадокс, экплексис) и пестротой изображения (ποικιλία), обогатило византийскую историографию многочисленными географическими, мифологическими и этнографическими экскурсами, которые в свою очередь расширяют наши представления о народах и племенах, не имевших в ту пору еще собственной письменной истории. Разнообразие в композицию вносит также включение выдуманных посланий и речей, разработанных по всем правилам византийской риторики⁶⁰. Авторы иногда извиняются за увлечение экскурсами⁶¹, нарушавшими правило о сжатости и временной последовательности повествования⁶² (ὁ εἶρμος, ὁ ὄγκος, ἡ ἀρμονία).

Сохранившиеся произведения византийской историографии не представляют собой единого жанра. По-видимому, для точного обозначения произведения, описывающего современную историю, служит термин *συγγραφή*⁶³; в большинстве случаев произведения носят название *ἱστορία* (Феофилакт, Лев Диакон, Михаил Атталиат, Никифор Вриенний, Никифор Григора, Иоанн Кантакузин, Лаоник Халкокондил), потому что они не касаются одной только эпохи, современной автору, но включают также часть прошлого. Необходимо, конечно, учесть, что название рукописи не всегда идет непосредственно от автора. Например, Хронографией Пселл свой труд в большинстве случаев называет *ἱστορία*, используя термин *χρονογραφία* только в одном месте. Как особый жанр выступают также мемуары (Пселл, Иоанн Кантакузин), биографии (Константин Багрянородный, Пселл), исторический памфлет («Тайная история» Прокопия), историческая монография (Евстафий, Иоанн Каминиат), историческая энци-